

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1(517)

А.В. Иванов

ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ – НОСИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИОННЫХ ЕВРАЗИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ¹

Природные условия и экологический потенциал Западной Монголии

Великие степи Монголии соприкасаются своим северо-западным крылом с сибирскими землями России в районе Алтайских гор. Сам Алтай служит как бы естественным порубежьем между юго-западной Сибирью и Центральной Азией. Западная Монголия – это в основном каменистые высокогорные степи с миллиметрами плодородного гумусного слоя и вечными мерзлотами на глубине нескольких метров. Здесь бесснежные и морозные зимы, а весной возможны перепады суточных температур, достигающие порой до 40°. Удивительно, как люди научились здесь выживать. Аналогом местных условий могут быть только северная тундра и Тибет. Но высокогорье, пожалуй, даже суровее тундры. Снега здесь почти нет, а сильнейшие ветра дуют круглый год, особенно в январе. Среднегодовая зимняя температура составляет -22°C; летняя – +15°C. Дождей крайне мало (около 100 мм в год), они выпадают в основном в начале лета. Снег накапливается лишь в долинах, а к февралю-

марту почти полностью испаряется под жгучими лучами горного солнца.

На перевалах снег лежит до самого лета. Там можно запросто попасть в лютый высокогорный буран в мае и в октябре. Удивительно с монгольских перевалов воспринимается пространство. Оно разительно контрастирует с привычным городским замкнутым оком и даже с сельским равнинным ландшафтом. Возникает ощущение, что здесь перед человеком нет никаких искусственных границ и пределов. Горный пейзаж беспределен, вечен и мудр, он распахнут на все четыре стороны и не противостоит человеку как нечто внешнее, чуждое и холодное. Совсем наоборот: это понятная и близкая беспредельность, куда ты вселен естественно и органично (не отсюда ли и мудрое русское слово «вселенная»?) и где видно, как вечное небо соприкасается с вечной Землей. Здесь ты понимаешь, что уйдет в небытие современная безумная техническая цивилизация со всеми ее атомными реакторами и ракетами, могут кануть в лету ныне живущие племена, но эти горы и ущелья как стояли – так и будут стоять до скончания времен.

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ 06-03-60305 а/Т.

Испокон веков в Западной Монголии существует и единственно приемлемый способ хозяйственной деятельности – отгонное пастбищное животноводство², когда в течение года скот кочует по вертикали гор, поднимаясь летом к зоне альпийских лугов, а зимой спускаясь в речные долины или откочевывая на высокогорные бесснежные плато типа знаменитого плоскогорья Укок на границе четырех стран (Китая, Казахстана, России и Монголии). Заслуживает глубочайшего уважения этнос, который освоил эту тяжелейшую экологическую нишу, сохранив вплоть до последнего времени почти девственным природный ландшафт и почти нетронутыми залежи полезных ископаемых, а тем самым – и экологический (хозяйственно-производительный, рекреационный и стабилизирующий) потенциал монгольской биосферы.

Западная Монголия до сих пор славится популяциями барса, улара, горного барана-аргали и горного козла-тэкэ. На ее великих озерах во время весенне-осенней миграции находят приют сотни видов перелетных птиц, а в водах живут реликтовые виды рыб, типа османа. Название же известной сибирской рыбы хариус отсылает к одноименному названию крупнейшего озера Западной Монголии – Хара Ус, что буквально переводится с монгольского как «черная вода».

Здесь живут люди с сильным и суровым характером. Но эта суровость не есть ни бесчувственность, ни грубость. Душа монгола тонка и поэтична. Кочевники поют песни длинные и протяжные – в них музыка степного ветра, цокот конских копыт и озерный переплеск волн. Долгая песня и эпический стих сопровождают монгола при дальних кочевых переходах. Возможно, героический эпос и есть по преимуществу творение кочевников, ведь и русский богатырский эпос связан со сторожевой охраной степных пространств. Изумительна по своей ладности и монгольская кочевая одежда, словно созданная для экранизации эпических кочевых сказаний: это яркий и теплый, но не душный халат (дэ-лэ); монгольская теплая островерхая

шапка; традиционные сапоги (гутул), очень удобные для верховой езды и сидения на корточках.

Суровость климата, гигантские расстояния и редкая заселенность приводят к тому, что монгол превыше всего ценит своего коня («морь» по-монгольски). От этого порой зависит его жизнь. Топот и бег скакуна – в этом движении скрыта для монгола-кочевника великая красота и гармония. Даже автомобиль не вытеснил полностью этого вечного друга и спутника номада. Легендарны выносливость и верность монгольского коня. На скачках во время наадама («три игры мужей») дети 5-7 лет скачут по 30 километров на неподкованных лошадях, без стремян и седел по каменистой степи. Европейская или арабская скаковая лошадь здесь сломали бы ногу на первом километре. Монгольский же конь не знает усталости. Традиционный тип монгольской лошади сохранился в диких степях Западной Монголии практически неизменным. Белый конь в черных яблоках, которого часто можно встретить вольно пасущимся среди монгольского безлюдья, живо напомнит о боевых конях чингисхановских туменов, а лошадь белой масти – о знаменитом стаде белых кумысных кобылиц монгольского хана Хубилая. Здешняя лошадь прекрасно адаптирована к суровому горному климату, равно как овцы, коровы и сарлыки (яки). Они сами добывают себе зимой корм из-под снега, разрывая его копытами, и безошибочно находят дорогу к дому, когда время близится к вечеру.

Скот нашей средней полосы здесь пал бы к концу недели, если не раньше, при таком питании и холоде. Одно из потрясений всех, кто приезжает в Монголию, – как такая редкая и чахлая травка среди каменных россыпей может кормить одновременно столько скота? Одна из причин такой питательности – поразительная энергоемкость флоры высокогорья и наличие в ней большого количества микроэлементов. Известен любопытный опыт. Пару облученных током СВЧ крыс из одного помета кормили одну обыкновенной говядиной, другую – мясом монгольского яка. Та, которую кормили говядиной, вскоре погибла, а на второй все раны не только зажили, но она сумела дать

² Хотя в долине западно-монгольской реки Буянт довольно успешно развивается плодовоовощеводство.

полноценное потомство. Кстати, любопытно, что алтайский як в среднем на 10-15 см выше в холке, чем его центрально-азиатские сородичи, да и улар, горный баран и горный козел по размерам превосходят своих сородичей из других горных областей Центральной Азии. Тайна такого свойства Алтайских гор пока до конца не разгадана. Думается, что науке здесь суждено сделать еще немало удивительных открытий, хотя экологический и рекреационный потенциал алтайского высокогорья уже ценится во всем мире, а в будущем будет цениться еще выше. Его в настоящий момент важно только сохранить, а не растратить понапрасну, польстившись на сиюминутные экономические выгоды. Не исключено также, что особый энергетический потенциал алтайской воды, воздуха и биоты в немалой степени зависит от особого сочетания подземных и космических излучений разной природы, интенсивное научное изучение которых только-только разворачивается на Алтае.

Специфика кочевого быта и миропонимания

Необходимо сказать несколько слов об изумительной адаптивности и калорийности питания монгола. Копченый над очагом сырчик (аргуул), пенка-масло из молока (урум), копченое мясо, заготавливаемое впрок осенью, лепешки-бурсаки, обжаренные в животном жире и способные храниться в долгих переходах, кумыс и чегень – без всего этого монгол попросту не смог бы выжить в экстремальных природных условиях существования. Свежего мяса семья практически не ест с ноября вплоть до июня-июля, ибо только к этому времени скот успевает нагулять жир после суровой зимы.

В целом монгол чужд всяких гастрономических излишеств. Он заготавливает и потребляет ровно столько пищи, сколько может съесть. Европейцы всегда говорили, что это типичный аскетизм нищеты, от которого надо избавляться. Сегодня следует признать, что такому разумному аскетизму, похоже, просто нет альтернативы в условиях глобального кризиса современной техногенно-потребительской цивилизации и неуклонного истощения природных ресур-

сов. Безудержное материальное потребление пришло в неразрешимое противоречие с возможностями биосферы его удовлетворить. Или мир станет аскетичным, или его не будет вовсе – вот дилемма, стоящая сегодня перед человечеством, но, похоже, она оказалась давным-давно разрешенной вроде бы отсталым монголом-кочевником.

Эталон разумного материального ограничения и рационально устроенного быта – это традиционная монгольская юрта. Более оптимального и эстетичного жилья в степных безлесых пространствах никто пока еще не смог придумать. Юрта – это не просто жилище, но и целая философская модель мироздания, четко фиксирующая низ и верх, центр и периферию в структуре мирового целого и в человеческом бытии. Вход юрты всегда ориентирован на юг, а алтарная часть с реликвиями – на север. Очаг – священная центральная часть юрты, где горит огонь и готовят пищу. Левая сторона от входа – мужская; правая – женская. «В мужской половине юрты, – пишет известный монголовед Н.Л. Жуковская, – хранится скотоводческий и охотничий инвентарь (седло, ружье, кнут, приспособления для таврения скота, бурдюк с кумысом и т.д.), который имеет отношение к специфике мужского труда у кочевников. На женской половине – хозяйственная утварь (чашки, чайники, пиалы, ведра), шкафы, запасы продуктов, женское рукоделие, ящик с аргалом для очага и т.д.»³. Приехавшие гости всегда располагаются во внутреннем пространстве юрты в соответствии со своим половым и социальным статусом. Чем выше ранг гостя – тем ближе сидит он к ее северной части с правой или с левой стороны. Белая сферическая юрта всегда органично вписана в ландшафт, составляя с ним одно неразрывное целое, в отличие от европейских каменных и квадратных домов, являющих в пустынном степном ландшафте нечто глубоко искусственное и инородное. Юрта легко собирается и разбирается за несколько часов, а после откочевки семья оставляет после себя идеально чистое место, словно здесь и не ступала нога

³ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: учебное пособие. М., 2002. С. 17.

человека. Этому глубинному кочевому экологизму монголов, уходящему корнями в глубокую древность, также безусловно стоит поучиться современной городской цивилизации.

Что особенно поражает в путешествиях по бескрайним западно-монгольским степям, где параллельно идут десятки дорог и где так легко свернуть в незнакомый распадок или ущелье, особенно в темное время суток, – так это извечная и искренняя готовность кочевника помочь товарищу в экстремальной ситуации. Здесь не бросят в беде, ссылаясь на занятость, и не возьмут деньги за оказанную помощь. Разве что выпьют по чарке за дружбу да стрельнут у русских сигаретку. Здесь еще ценят верность и искренность. Много раз со стыдом слышали мы старую русскую поговорку из уст наших монгольских друзей, что «старый друг лучше новых двух». С укором напоминали они забывшему их «старшему брату», что Монголия была единственной страной, объявившей войну фашистской Германии через несколько дней после ее нападения на Советский Союз. Воистину такие прочные исторические связи не должны быть предметом торга и политических расчетов.

Поразительно, но в Монголии совсем не чувствуешь себя за границей, как, например, чувствуешь себя чужаком в сытой и внешне гостеприимной Европе. Трижды прав Ф.М. Достоевский: чем больше мы, русские, стремимся походить на европейцев, тем больше они не считают нас за своих, и более того – откровенно презирают. В Монголии же чувствуешь себя естественно и комфортно. Нет ощущения своего инородства и неуместности, словно окружающие исповедуют сходный с тобой стиль жизни и общность ценностного истолкования мира. Это, пожалуй, главное чувство в русской душе. Это и есть тот самый дух евразийского братства или этнической комплиментарности, о котором говорили крупнейшие теоретики евразийства П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой, Ю.Н. Рерих и Л.Н. Гумилев.

И разве искренние симпатии между народами не выше всяких коммерческих и политических выгод? И, напротив, разве чувство дружбы и духовного родства не образует подлинного фундамента

в политических и торгово-экономических отношениях? И разве истинные друзья добиваются каких-либо материальных выгод и односторонних преимуществ? И разве именно такие – бескорыстные – отношения не являются безусловно высшими и самыми дорогими для человеческого сердца? И вообще: все ли можно оценить в деньгах, ведь наиболее ценные вещи в этом мире – вне отношений купли-продажи и никак не могут быть выражены в денежном эквиваленте. Это любовь, дружба и радость материнства, творческое вдохновение и чувство гордости за свое отечество, удовлетворение от качественно выполненной работы и наслаждение красотой природы.

Не учат ли нас русско-монгольские отношения тому, что любая попытка сыграть на понижение, заменить высшее низшим, вечное сиюминутным, бескорыстное прагматическим рано или поздно подорвет и само это низшее, и опровергнет, казалось бы, самый беспримысленный материальный расчет?

Надо отдать должное Советской власти: она многое сделала для укрепления связей между народами евразийского культурно-географического материка, в том числе между русскими и монголами. Но то, что было сделано за 200 лет мирного взаимодействия русских с монголами, оказалось пущенным «коту под хвост» всего-то за 5-8 лет так называемой «перестройки», а на самом деле – откровенного предательства единых евразийских ценностей.

Старый друг лучше новых двух

В годы так называемой «перестройки» в 90-е годы, произошел почти полный уход России с монгольского рынка. В той же Западной Монголии до минимума сократился вывоз мяса, шерсти и пуха в Россию (традиционные статьи монгольского экспорта), а плата за энергоресурсы (традиционная статья монгольского импорта из России), наоборот, баснословно возросла. Иррациональная внешнеэкономическая политика с нашей стороны (огромные таможенные сборы, плата за визы, проволочки на границе, разного рода сомнительные санитарные запреты) сделала (и, увы, делает до сих пор!) во многом невыгодной для монголов торговлю с Россией, и тем более

невыгодной организацию совместных российско-монгольских предприятий. С Китаем же, где существует режим наибольшего благоприятствования для приграничного торгово-экономического сотрудничества, напротив, торговля для монголов оказывается весьма выгодной при всем их весьма настороженном отношении к китайцам.

В результате подавляющее большинство товаров на рынках Ховда и Баян-Ульгия сегодня – китайского производства, основными держателями капиталов также являются китайцы. Вся добыча золота здесь (а запасы его немалые) ведется теми же китайцами, причем самыми варварскими с точки зрения экологии методами. Гидроэлектростанцию в Западной Монголии проектировали и строят также китайцы. Даже рынок автомобилей и муки вплоть до последнего времени полностью контролировали китайские торговцы, и лишь в последнее время качественная алтайская мука вытеснила китайскую, а китайские автомобили проиграли конкурентную борьбу нашим УАЗам.

На фоне постепенного восстановления традиционных российско-монгольских евразийских связей абсурдным выглядит лоббирование проекта строительства прямого газопровода и автомобильной дороги из России в Китай через 54-километровый совместный участок границы в районе плоскогорья Укок и перевала Канас. Это фактически будет означать прямое и окончательное предательство Монголии, снижение значения Чуйского тракта и исключение нашего традиционного союзника из орбиты влияния России. Сами монголы расценивают проект строительства именно так. Их можно понять, поскольку выход России в Китай через Западную Монголию дешевле и экологически безопаснее, а также беспроигрышен в геополитическом отношении. Он объективно выгоден народам наших стран.

Сегодня всем здравомыслящим людям в России ясно, что надо и дальше активно развивать российско-монгольское сотрудничество. Монголия – ключевой евразийский регион. Его богатства не приоткрылись еще и наполовину. Так, в свете кризиса современной техногенно-потребительской цивилизации⁴ осо-

бое значение приобретают экологически чистые биосферные и рекреационные ресурсы, чем так богата Западная Монголия: вода, воздух, минеральные источники, продукция животноводства, рыба. Совершенно исключительные перспективы открываются также для научного, культурного, экологического и образовательного туризма, особенно в связи с перспективой придания последнему трансграничного характера. Становится понятным также значение генофонда горных растений и животных, адаптированного к суровым условиям существования. Он оказывается востребованным в связи с общим мировым кризисом животноводства и сомнительными перспективами генетически модифицированных продуктов питания. Если где-то и будут успешно развиваться биотехнологии – то на ресурсной основе девственно чистых территорий, подобных монгольскому Алтаю, при тщательной выверке всех возможных отрицательных последствий и при неперемennom условии сохранения в чистоте его элитного генофонда. Если помощь в освоении этих уникальных биосферных ресурсов не окажем сегодня монголам мы, то ее непременно окажут в собственных интересах американцы, которыми и так уже наводнена Западная Монголия. Много здесь японцев, немцев, китайцев и даже турок. Свято место, как известно, пусто не бывает.

Учитывая, что в Ховде работает филиал Улан-Баторского государственного сельскохозяйственного университета, можно твердо говорить о больших перспективах научного и педагогического сотрудничества между ним и нашим университетом. Успешное начало такому сотрудничеству было положено в сентябре 2006 г. в ходе официального визита в г. Ховд (столицу Западной Монголии) делегации АГАУ во главе с проректором Н.А. Колпаковым. Теперь нужно только планомерно наращивать связи с нашими монгольскими коллегами в рамках регионального алтайского сотрудничества, осуществляющегося под эгидой Международного координационного совета «Наш общий дом Алтай».

⁴ См. об этом более подробно в монографии: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Ду-

ховно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2001.